

Т. Кайт

Поэтические эксперименты немецкого и русского авангарда

I. Уточнение понятий.

I.1. «Авангард».

История понятия – военная этимология, – которой посвящено множество исследований и дискуссий, должна остаться за пределами нашего внимания.

Другой вопрос, постоянно дискутирующийся в отношении эстетической сферы – это вопрос о *периодичности* или исторической *единичности* авангарда: то есть вопрос о том, называется ли авангардом определенное литературно замкнутое течение или периодически возникающая возможность художественного и литературного творчества.

Я рассматриваю, в любом случае, авангардизм как исторически законченное явление: радикальные литературные группировки в странах Европы в первой трети XX века. Самые известные из них – футуризм, дадаизм, сюрреализм. В работе Петера Бюргера «Теория авангарда» (1974) для них вводится понятие «исторические художественные авангарды». Труд Бюргера является самой сжатой, эффективной и наиболее обсуждаемой работой об авангарде; к сожалению, она еще не переведена на русский язык. Предложенное им понятие «художественного исторического авангарда» заняло прочное место в литературоведении. Оно позволяет этот исторический авангард отделить от исторического (эстетического) модерна (натурализма, символизма, эстетизма, югендстиля) и оставляет место для более поздних и более ранних авангардов. Бюргер говорит о двух течениях внутри модернизма: модерн в более узком смысле, где в центре стоит автономное произведение искусства, и об авангарде, ведущей целью которого является изменение жизни. Авангард, по Бюргеру, совершил покушение на «статус искусства» в буржуазном обществе, то есть на условия создания, распределения и рецепции искусства с целью разрушить автономность искусства и перенести его в практику жизни.

В *немецкоязычном пространстве* под понятие «исторический авангард» попадают группы дадаистов в Цюрихе (1916 – 1917) и в Берлине (1918 – 1920), а также не связанный ни с какой группой Курт Швиттерс

(с его работами начала 20-х годов). В *русскоязычном пространстве* – так называемый кубофутуризм, начало которому положили группы «Гилея» (1912 – 1916) и «41°» (1917 – 1919) и продолжавший существовать благодаря отдельным представителям до 1922 – 1923 годов. Его представляли Велимир Хлебников, Алексей Крученых, Василий Каменский, Илья Зданевич и др. Элемент «кубо-» произошел от тесно связанной с группой авангардистской живописи, которая посредством комбинации кубистических и футуристических приемов основала кубофутуристический стиль.

1.2. «Поэтические эксперименты».

В русском литературоведении название «эксперимент» или «экспериментальный» не употребляется. В немецкоязычном пространстве, напротив, «экспериментальной литературой» называется одно из течений в современной литературе, ставшее между тем уже историческим фактом и достигшее своего расцвета в 60 – 70-е годы. Избранное мною понятие «поэтический эксперимент» должно одновременно выражать близость с этим течением, которое соотносило себя с историческим авангардом как своим предшественником, но и обозначать дистанцию по отношению к нему: в экспериментах исторического авангарда речь идет не об экспериментальной литературе.

Понятие «поэтические эксперименты» служит родовым для фонетической и визуальной поэзии. В этих формах в литературе наиболее ярко выражается авангардистский концепт. Речь идет о поэтических экстремальных формах, которые, исходя из элементарнейших языковых единств звука и буквы, оперируют ими, почти целиком отделяя их от привычных синтаксических и семантических связей, и раздвигают границы поэзии, открывают их в том числе и по отношению к другим видам искусства, например, музыке или живописи, графике. Они занимаются изучением основ искусства, ревизией и обнажением языкового материала.

II. Признаки авангарда.

Для сравнения русского и немецкого авангарда я работаю с каталогом признаков авангарда, который был разработан в качестве идеально типичного конструкта на основе главных теорий и результатов исследования феномена авангарда. Он объединяет стилистические и идеологические, эстетические и внеэстетические аспекты.

Сначала я перечислю общие признаки и объясню их затем более подробно, когда буду говорить о результатах сравнения.

– *Авангард* выступает в виде групп, образованных из представителей молодого поколения.

– *Программы-манифесты* играют центральную роль. Эти тексты пронизаны утопизмом, который по-разному выражается, но всегда направлен

на обновление языка и мышления и, сверх этого, – общества и даже мирового сообщества.

– *Эстетическое обновление*: формы звукового и визуального стихотворения, которые развиты обоими историческими авангардами (даже если в истории литературы для них имелись более ранние образцы-предшественники), существуют до сегодняшнего дня. Они интегрируют до сих пор не поэтизируемый материал. Они были направлены и направлены до сих пор против установившегося порядка в литературе.

– По теории Петера Бюргера они являются *критикой создания, распределения и восприятия поэзии*. Поэзия создается для аудитории, открыто распространяется в обществе, воспринимается в рамках литературных, художественных или эстрадных вечеров. Поэзия покидает почетное автономное место, которое было отведено ей в буржуазной системе искусства и литературы, ради развлекательной функции и для того, чтобы стать силой реорганизации человеческой жизни и жизни общества. Авангард создавал для себя собственные пути распространения продукции с помощью самостоятельно основанных и распространяемых журналов и книг, создаваемых вручную.

– Авангард *карнавализовал* поэзию и встал тем самым в ряд поэзии бессмыслиц.

– Последний пункт моего списка признаков авангарда относится к потенциалу восприятия авангардистской продукции реципиентами – *рецептивно-эстетический компонент* – и к *метасемиотическим практикам* авангарда. Были проанализированы средства выражения на предмет того, какую функцию они воспринимают и как они семиотически обоснованы, то есть что и как они сообщают, как они соотносятся с уже существующими знаковыми системами, как они влияют (или могут влиять) на механизмы восприятия и сознания.

Установлено:

– во-первых, затрудненный доступ из-за обманутых ожиданий, возлагающихся обычно на литературу и поэзию;

– включение реципиента в процесс становления произведения: для адекватного понимания воспринимающие должны взять на себя роль со-творцов;

– остранение как бытовой, так и поэтической речи, повышение чувствительности восприятия и его деавтоматизация, «ментальная революция заученных образцов толкования жизни»¹ как высвобождение освобождающей энергии – в конце концов, как антропологическое обновление: так это себе представлял авангард, который хотел охватить все;

– противостояние тому, что выдается за «действительность». Действительность распознается как конструкция, как ограниченная интерпретация, она перспективируется. Ей противопоставляются другие модели ре-

альности, связанные со зрительными образами и нерепрезентирующими знаковыми моделями, недискурсивные подходы к миру. Поэтому авангардистские работы обнаруживают родство с инфантилизмом, примитивизмом, мистикой, оккультизмом, психопатологией, анархией и хаосом.

III. Современный уровень исследования и методика.

Если взаимные межнациональные влияния и сотрудничество между художественными и литературными авангардами в Европе в первой трети XX века уже достаточно документированы, структурные аналогии между программами и художественной продукцией еще мало изучены.

О родстве между немецкоязычным Дада и русским кубофутуризмом постоянно говорится, но при этом исследователи ограничиваются либо установлением общих фактов, либо изучением узких частных аспектов.

Цель данной работы – представить межкультурные связи и специфические культурные контрасты в отношении концепции и реализации поэтических экспериментальных форм. Профили поэтических экспериментов обоих течений авангарда можно обозначить как различные, но родственные выражения авангардистского поведения. Русский кубофутуризм достиг своего расцвета как раз в то время, когда в 1916 году появилось Дада. Но идеи, развитые в России и часто называвшиеся в позднейших исследованиях «дадаистскими», на самом деле не передавались далее: здесь можно говорить о типологических соответствиях, без наличия соответствующих контактов.

Поэтому мы говорим о типологическом сравнении, а не о генетическом, то есть о сравнении, выводимом из литературно-исторических предпосылок. (Это два в принципе возможных варианта для компаративистского исследования.)

Литературно-социологические подходы пытались и пытаются объяснить авангард, устанавливая его интенции (критика статуса искусства в буржуазном обществе – Петер Бюргер), функциональная дифференцированность общества и его автономной подсистемы искусства (теория систем). В качестве альтернативы этому мы сконцентрировали внимание на только что описанной перспективе знаковых практик и их (потенциальных) воздействий на реципиента.

IV. Результаты.

Далее опишем результаты, которые дал сравнительный анализ поэтических экспериментов под этим углом зрения.

IV.1. Схожесть в возможностях воздействия поэтических продуктов.

IV.1.1. Эстетическое обновление.

Исторические авангарды в России и в немецкоязычном пространстве сформировали звуковую и визуальную поэзию как поэтические возможности.

Для эстетической переоценки они использовали до тех пор непоэтизированный материал: дадаисты – элементы из африканских языков, кубофутуристы – из татарского, оба авангарда – детский язык, мистическую речь, заклинания, глоссолалии (упоенное, вдохновенное бормотание в состояниях религиозного экстаза) и материал, который пронизывает современный быт, например, рекламную типографию.

Авангардистские эксперименты были направлены против установленного порядка в литературе, в первую очередь, против черты, доминирующей как прежде, так и позднее, против миметического принципа, то есть против концепции поэзии как подражания, отражения – хотя бы даже преломленного – внепоэтической реальности.

IV.1.2. Физиологическое активирование.

Работа поэтов, создающих звуковые стихотворения, может быть понята как призыв: «Слушай! Повторяй!». Звуковая поэзия порождает «балет речевых органов» (Виктор Шкловский). Как противоположность автоматизированной артикуляции отдельных звуков в обыденной коммуникации она доставляет кинэстетическое удовольствие. Посредством артикуляторно воспроизводимых образов фонетической поэзии может возникать конфронтация человека с его телесностью. Будучи обращенными к ней, реципиенты могли бы постепенно выйти из заданности смысла и механизмов смыслопорождения буржуазной культуры и получить импульсы для нового восприятия.

Кубофутуристические и дадаистские визуальные стихотворения требуют для рецепции, благодаря своей инаковости по сравнению с распространенным видом письменной репрезентации, повышенной сенсорной активности. Написанные от руки, как часто делалось в русском авангарде, они обнажают процессы телесной активности при создании письма и передают физико-эмотивные эффекты письма: динамику, экспрессивность, необработанность, озорство и т. п.

IV.1.3. Карнавализация.

Во многих авангардистских звуковых стихотворениях обнаруживаются фонетические комбинации, которые могут породить эффект комизма; является ли это интенцией автора или нет – не имеет существенного значения. В любом случае он был усилен при исполнении на эстраде. Карнавальное измерение присутствует и ощущается во многих визуальных поэтических стихотворениях, в некоторых оно эксплицировано.

Конечно, аспект комизма в авангарде не является центральным моментом, не бывает центральной интенцией творчества. Смех или улыбки, которые вызывают эксперименты авангардистов, являются сначала по большей части защитной реакцией рационального мышления на столкно-

вание с другим образцом упорядочивания мира, отвержение этих продуктов как курьезных взбалмошных чудачеств. И все же нельзя недооценивать разрушающую силу смеха, проявляющуюся после преодоления этого защитного рефлекса. Следует напомнить, какое значение придавал М. Бахтин смеху (в народной культуре Средневековья).

IV.1.4. Деавтоматизация, перспективизация.

Поэзия со звуками в качестве акустических и артикуляционных феноменов и с буквами в качестве визуально-образных элементов позволяет увидеть язык в ином свете. Воспринимающие оставляют сферу отшлифованного, схематизированного, направленного на достижение определенных целей языка каждодневного употребления и видят его под другим углом зрения, как бы извне, со стороны. У них появляется возможность распознать материальность и оформленность языка и сверх этого сконструированность всегда передаваемого языковым путем и заранее сформированного восприятия, занять определенную дистанцию по отношению к нему, посмотреть под другим углом зрения и перспективировать это восприятие в игре.

Для адекватного понимания интермедиального феномена визуальной поэзии необходимы знаковая компетентность – знаков рисованных объектов и знаков шрифта – и языковая компетентность. Реципиенты должны поставить чтение в напряженное соотношение с созерцанием, тогда они смогут совершить новый опыт восприятия и осмысления объектов.

Процессы, которые вызывает авангардистское визуальное поэтическое творчество, тормозят, вызывают замешательство и создают помехи для привычных заданных процессов восприятия, с уровня автоматизмов возводят их до активных созерцательных операций и освобождают их для новых переживаний, которые происходят вначале в сфере эстетического, но не должны ограничиваться этим: визуальная поэзия побуждает к тому, чтобы увидеть мир новыми глазами.

IV.1.5. Метасемиотика: другой способ моделирования мира.

Детальный анализ показал, что звуковые стихотворения поэтов в более или менее ярко выраженной форме организованы по тем же структурным принципам, что и детский язык, лепет, магическая, экстатическая мистическая речь, речь душевно больных, шизофреников². Ориентированность на определенную модель мира, которая структурирована по принципам магии, мифа, архаично-примитивного, а также психопатологического восприятия, чувства, мышления, может быть рассмотрена как стратегия метасемиотической активности, о которой говорит исследователь дадаизма Рудольф Э. Кюнцли: «В своей поэзии и искусстве дадаисты действуют как семиологи, когда они анализируют механизм, коды системы

культурной репрезентации, чтобы иметь возможность ею манипулировать и ее смещать»³. Сходным образом и славист Феликс Филипп Ингольд констатирует для русского авангарда: он освободился от устоев европейской культуры, и в первую очередь от многообразных способов живописного и литературного изображения действительности, ориентированных на иллюзионистскую репрезентацию⁴. С помощью игровых конструкций, выстроенных по принципу отклоняющихся от норм языковых форм, звуковые стихи авангарда указывают на другой способ миропонимания, в центре которого стоит уже не Я и не человек (антиантропоцентризм). Они торжественно открывают форму существования за пределами узких форм обыденной коммуникации и рационалистической культуры. Определяемый целями естественнонаучный интеллект, технизация и механизация мышления и жизни опровергаются противоположно направленным проектом. Интенсивность и очевидность занимают место логики. Должно быть открыто или, по крайней мере, намечено, вызвано что-то другое, «нетождественное», что располагается вне конвенционального, понятийно-логического семиотического порядка. На упрек, что подобные провалы являются не чем иным, как кратковременным бегством, можно возразить, что эти фазы бегства открывают принципиальное понимание сомнительности и несостоятельности систем порождения смысла и могут подтолкнуть к разрушительному поведению по отношению к этим системам. Механизмы и правила языка как института порождения и передачи смысла выводятся на поверхность сознания посредством их игнорирования, нарушения, контрастного сопоставления.

Визуальные стихи дадаизма и кубофутуризма могут породить и развивать похожие метасемиотические воздействия. Визуализация поэзии дает привилегии сигнификанту за счет сигнификата, она выявляет материальность сигнификанта. Материальная интенсивность шрифта воздействует на реципиентов, но при этом они не могут справиться с ней семиотически. Обнажение двойственной природы знака фонетического алфавита как буквы и звука через разведение этих функций может вызвать рефлексию по поводу обыденного функционирования этих знаков. Оно может привести к осознанию, что подобное функционирование является только одной (ни в коем случае не само собой разумеющейся) возможностью из многих, следовательно, может показать, насколько ограничено обычное практическое использование письма и в перспективе использовать это в отношении других потенциалов письма – эстетического или игрового.

Овеществление и радикальная произвольность сигнификанта в искусственном обращении с ним может перенести внимание благосклонных реципиентов на генеральную произвольность языкового знака – это эффект, общий для визуальных и фонетических стихотворений, который

еще более усиливается, если оба выступают вместе. При рефлексивном углублении возникает вопрос о способностях языка, возможностях им манипулировать и их границах. Так, и визуальная поэзия может намекать, что по ту сторону конвенциональных языковых механизмов сигнификации расположено то, что не может быть с помощью их достигнуто.

В то время как визуально-поэтические эксперименты разрушают линейность письма, совмещают письмо с образом, делают шрифт картиной, обнажают визуальный слой шрифта, они выявляют ориентированную на образ модель коммуникации мира, модель, родственную мифу и магии, в качестве альтернативы понятийно-дискурсивной модели. Визуальная поэзия делает, таким образом, встречное предложение, направленное против подчинения человека научному, техническому и экономическому разуму.

Существенная основа для совпадений, которые можно установить, состоит в принципиально аналогичном отношении течений авангарда к окружающей их культуре. Одной из главных целей для них было потрясти системы и механизмы смыслопорождения в культуре. Оба течения авангарда пытаются ориентироваться на альтернативные способы коммуникации и моделирования мира, исходя из которых ставят под вопрос средства организации действительности – и тем самым основы любой формы общества. Авангардистские эксперименты вносят сумятицу в привычные процессы говорения и восприятия и открывают путь для новых переживаний, другого взгляда на мир. Поэзия авангарда психологически активизирует реципиента, что ведет к выходу из «логоцентрической» заданности буржуазной культуры. Должно появиться новое состояние сознания, в котором человек освобождается от технического, инструментального и тотализирующего разума, чтобы найти обратный путь к собственному, более богатому переживанию. Из неприятия современной культуры в обеих авангардистских культурах возникла склонность к инфантилизму, примитивизму, мистике, оккультизму, психопатологии, анархии и хаосу.

IV.2. Специфические культурные расхождения.

IV.2.1. Сверхнациональность или национальная ориентация?

Главной задачей раннего русского авангарда, на который оказал влияние неопрimitивизм, было обновление национальной культуры в опоре на примитивные, архаические и народные основы. Интерес к азиатскому и русскому народному примитивному искусству, противопоставление его западному модернизму, но параллельно этому и связь с ним явились вкладом авангарда в старый спор между западниками и славянофилами. Так, манифест «Мы и запад», который был выполнен и расклеен на плакатах в Санкт-Петербурге незадолго до начала войны поэтом и теоретиком Бенедиктом Лившицем, художником Георгием Якуловым и композитором Артуром Винченцем Лурье и опубликован во французской версии в

«Меркур де Франс» благодаря контактам с Гийомом Апполинером, исходил из глубокого противоречия между западным и восточным искусством. В манускрипте доклада по поводу посещения лидера итальянских футуристов Филиппо Томмазо Маринетти в 1914 г. России Лившиц писал, что русские должны гордо признаться азиатами и превзойти постыдный, мучительный гнет Европы. В манифесте «Лучистый и будущники» (1913) группы авангардистов, возглавляемой Михаилом Ларионовым и вышедшей из неопримитивизма, звучит настоятельное требование наряду с урбанизацией и технизацией хранить преданность восточным национальным корням, вопреки западу.

При этом разногласия между западничеством и славянофильством в начале XX века казались уже не такими актуальными, связь между Россией и Западной Европой была открыта и продуктивна как никогда ранее. Кубофутуристы относились с антипатией к этой тенденции, на развитие которой существенно повлияли символисты, с которыми они отчасти жестко полемизировали. Следует отметить, что именно авангард в России усиленно акцентировал национальное в культуре, в то время как европейские течения авангарда имели противоположную интенцию – так Дада в Цюрихе, в нейтральной Швейцарии, был образован в интернациональном кружке военных эмигрантов.

IV.2.2. Примитивизмы.

Архаичное и примитивное русские авангардисты могли найти в народных культурных традициях, которые тогда во многом еще сохранились в русской деревне. Примитивизм был для Дада моделью, на которую ориентировались мышление и способ действия каждого дадаиста, но в индустриальной Германии, в противоположность тогда еще довольно таки феодальной России, не было очевидных национальных традиций, на которые можно было бы опереться. Вид русского авангардистского примитивизма, его национально-фольклорная и архаизованная окраска является культурно-специфической и придает кубофутуризму совершенно своеобразные черты по сравнению с другими европейскими течениями авангарда. Компоненты примитивизма, которые дадаисты встраивали в свою эстетическую систему, они брали исключительно из неевропейских культур, из Африки и южных тихоокеанских стран. Но функция в обоих случаях была одна и та же, а именно: передача в игровой форме альтернативного понимания мира, спонтанного, наивного, нерационального.

IV.2.3. Ведущие авангардистские искусства.

Ведущим искусством русского авангарда была живопись, в то время как Дада ставили на первый план театрально-постановочные формы. В отношении кубофутуризма не может быть и речи о растворении поэзии в

ее реализации, исполнении, перформансе, что считается типичной чертой исторического авангарда. И наоборот, очень важное для кубофутуризма искусство оформления книги у дадаистов, выразивших себя, наряду со сценическими выступлениями и общественными акциями, в первую очередь, в журналах, не играло значительной роли. Важность отдельных форм искусства в авангарде России и Германии имеет различия. Их культурно-исторические и типологические причины, безусловно, могут быть найдены, но это уже выходит за рамки данной статьи.

Пер. Н. Барабанова

---

¹ *Wehle W.* Avantgarde: Ein historisch-systematisches Paradigma 'moderner' Literatur und Kunst // Lyrik und Malerei der Avantgarde. ed. Rainer Warning / Winfried Wehle. München, 1982. S. 33.

² *Gretchko V.* Die Zaum'-Sprache der russischen Futuristen. Bochum, 1999.

³ The Semiotics of Dada Poetry // Dada Spectrum: The Dialectics of Revolt. ed. Stephen C. Foster / Rudolf E. Kuenzli. Madison (Wisconsin), 1979. S.53.

⁴ Der große Bruch. Rußland im Epochenjahr 1913. Kultur – Gesellschaft – Politik. München, 2000. S.156.

